

Сергей Могилевцев

Голубка

Сергей Могилевцев

Голубка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156565

Аннотация

Действие пьесы – это классическая история о пире во время чумы. События происходят в старой даче под названием «Голубка», стоящей над морем на краю высокого утеса. Сваи, поддерживающие дачу, от времени давно прогнили, и она висит в воздухе неизвестно на чем. Одним ее обитателям кажется, что на честном слове, другим, что на злости, третьим, – что на любви...

Содержание

КАРТИНА ПЕРВАЯ	6
КАРТИНА ВТОРАЯ	13
КАРТИНА ТРЕТЬЯ	26
КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ	35
КАРТИНА ПЯТАЯ	43
КАРТИНА ШЕСТАЯ	56
КАРТИНА СЕДЬМАЯ	63

Сергей Могилевцев

Голубка

КОМЕДИЯ

Действие пьесы – это классическая история о пире во время чумы. События происходят в старой даче под названием «Голубка», стоящей над морем на краю высокого утеса. Сваи, поддерживающие дачу, от времени давно прогнили, и она висит в воздухе неизвестно на чем. Одним ее обитателям кажется, что на честном слове, другим, что на злости, третьим, – что на любви. Все жильцы старой дачи давно уже съехали, кроме двух семей, которые, несмотря на угрозу обрушения и гибели, упорно продолжают здесь жить. Одна из них – это семья известного писателя Сперанского, поселившегося здесь десять лет назад, и мечтающего в тишине и в обстановке античности написать супер-роман. Всем давно ясно, что никакого супер-романа он никогда не напишет, и своей идеей-фикс просто обрекает на гибель своих близких. Все видят, что с дачи надо немедленно съезжать, что гибель близка и неминуема, но, несмотря на это, упорно продолжают здесь жить. Более того, – странное безумие охватывает всех обитателей дачи. Сперанский мечтает о своем супер-романе, его друг и по совместительству литературный критик Рихтер – о том, как он прославит и ро-

ман, и его автора; жена Сперанского изменяет ему с местным чиновником, дочь бежит из дома с малоознакомым человеком; их соседи, вместо того, чтобы немедленно съехать, заняты лечением от сумасшествия своего абсолютно нормального сына Саши. Кончается все застольем во дворе дачи на краю высокого обрыва, и неизбежной катастрофой, которая наконец-то прекращает всеобщее безумие.

С перанский.

Рихтер.

Владимир.

Ольга.

Мария Петровна.

Корецкий.

Саша.

Василиса Ивановна.

Андропуло.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Берег моря. Старая дача на склоне холма.

Вечер. Беседка слева от дачи.

С перанский и Рихтер.

Рихтер. Вы считаете, что это все же произойдет?

С перанский. Да, я в этом уверен.

Рихтер. Вы уверены, или вы знаете наверняка?

С перанский. Наверняка я знаю лишь то, что мы все умрем. Одни раньше, другие позже.

Рихтер. И все же, есть ли у вас уверенность наверняка? Или это только ваши предположения?

С перанский. Это не только мои предположения. Так думают многие.

Рихтер. Многие просто напуганы, и несут Бог знает что.

С перанский. Если бы они несли Бог знает что, они бы не жили с этим так долго.

Рихтер(презрительно). Что это за жизнь, – непрерывно думать все об одном! Так можно сойти с ума.

С перанский. Очень многие так и сделали. Сошли, но претворяются, что они совершенно нормальны.

Рихтер. И долго это продлится, как вы считаете?

С перанский. Не так долго, во всяком случае, как

думают некоторые.

Рихтер. Фактор времени очень важен.

Сперанский. Не для всех. Некоторым просто начхать на время.

Рихтер. Да, многие живут, как будто они боги. Как будто у них впереди целая вечность.

Сперанский. У нас у всех впереди целая вечность.

Рихтер. Это очень спорный вопрос.

Сперанский. Скорее философский, чем спорный.

Рихтер. Вы не философ, вы писатель, зачем вам лезть в философские дебри?

Сперанский. Всегда полезно копнуть немного поглубже. В этом мой метод, как литератора.

Рихтер. Ваш метод – воспевать природу и красоту, а также людей на фоне этой природы.

Сперанский. Мне надоело поверхностное описание. Я жажду копнуть немного поглубже.

Рихтер. Вы не боитесь утонуть в глубине?

Сперанский. Я надеюсь найти там невероятные тайны. Что-то вроде сокровищ с затонувшего галеона.

Рихтер. Вы снова ищите новые формы?

Сперанский. Не только формы, но и их наполнение.

Рихтер. Вас не устраивает прежнее содержание?

Сперанский. Все мы рано или поздно решаем начать новую жизнь.

Оба уходят.

Появляются Владимир и Ольга.

Владимир. Тебе не холодно? Ты вся дрожишь. (*Накидывает ей на плечи пиджак.*)

Ольга. Нет, мне хорошо. (*Оглядывается по сторонам.*)
Какой чудесный вечер!

Владимир. И море лазурное, и горы синеют, как шатры неведомых великанов.

Ольга. Ты говоришь, как поэт.

Владимир. Я литератор, я просто так вижу.

Ольга. Как мой отец?

Владимир. Твой отец, – крупный писатель. Мне до него расти и расти.

Ольга. В последнее время он стал таким раздражительным.

Владимир. Он просто ищет новые формы.

Ольга. Я знаю, это Рихтер его подбивает. Он уже десять лет паразитирует на творчестве папы.

Владимир. Рихтер – критик, это обоюдный процесс. Он не может паразитировать. Он, как пчела, опыляющая цветок. Для нормального роста нужен и тот, и другой.

Ольга. И все же я его ненавижу!

Владимир. Ты просто ревнуешь.

Ольга. Ревнует пусть моя мать, но ей, кажется, давно уже на все наплевать!

Владимир. Она тоже собирается уехать отсюда?

Ольга. Она уже давно отсюда уехала. Ее присутствие здесь – одна лишь видимость.

Владимир. Твой отец – человек сильный. Он это переживет.

Ольга. Мне кажется, что он единственный, кто не сможет всего этого пережить.

Владимир. Ты думаешь, что это все же произойдет?

Ольга. Я в этом уверена. Как, впрочем, и все остальные.

Владимир. Все делают вид, что этого никогда не случится.

Ольга. Все дрожат, как зайцы в норе, и ждут – не дождутся, чтобы разбежаться в разные стороны.

Владимир(после паузы). Скоро я уезжаю в Москву. Возможно, через несколько дней.

Ольга(пристально смотря ему в глаза). Что ты хочешь этим сказать?

Владимир. Просто я уезжаю в Москву.

Ольга(наигранно, с надрывом). Как просто, – взял, и уехал! Как будто ударил по бильярдному шару. Или съел мороженое с клубникой.

Владимир. Я давно хотел это сделать.

Ольга. Ты совсем не думаешь обо мне.

Владимир. Я постоянно думаю о тебе.

Ольга. Ты только так говоришь.

Владимир. Мы уедем вместе с тобой.

Ольга. А как же отец?

Владимир. У него есть жена.

Ольга. Она ему давно не жена.

Владимир. Тогда у него есть Рихтер.

Ольга. Не говори мне о Рихтере.

Владимир. Мне кажется, что ему уже никто не поможет.

Ольга. Что ты имеешь в виду?

Владимир. Его поиски новых форм, – он обречен искать их целую вечность. А лучшей вечности, чем здесь, даже и придумать нельзя. Здесь все в одном шаге от вечности.

Ольга (зябко передергивает плечами). Ты не поверишь, но временами я думаю точно так же.

Уходят.

Появляются Корецкий и Мария Петровна.

Корецкий (пытаясь обнять Марию Петровну.) Слава Богу, наконец-то мы остались одни! От этого вашего мужа-писателя и его преданного визави не так легко отделаться!

Мария Петровна (шутливо отталкивая его). Не преувеличивайте, Корецкий, он рад будет отделаться и от меня, и от всех нас вместе взятых! Как только засядет за новый роман, так сразу же и позабудет о всех до единого.

Корецкий (повторяя попытку обнять Марию Петровну).

о в н у, со смехом.) Но сначала ему надо найти новую форму!

Мария Петровна. Да, форму, а потом за формой и содержание. Это длится семнадцать лет, и ничего принципиально нового я в этом не вижу. Всю жизнь одно и то же, изо дня в день, из года в год. У нас ничего не меняется, мы живем по правилам, установленным в день нашей свадьбы.

Корецкий. Но теперь все должно измениться.

Мария Петровна. И не надейтесь на это!

Корецкий. Но это причина глобального, я бы даже сказал – космического характера. Это стихия, и он не может ее игнорировать!

Мария Петровна*(насмешливо).* Вы в этом уверены?

Корецкий*(протягивая к ней руки).* Я уверен только в одном: в моей любви к вам, Мария Петровна!

Мария Петровна. Не смешите меня! Встаньте с колен.

Корецкий. Вы не понимаете, Мария Петровна, всей серьезности вашего положения! Еще два или три дня, быть может, неделя...

Мария Петровна*(считает, про себя).* Один день, два дня, неделя... Вы думаете, что все случится так скоро?

Корецкий*(скороговоркой).* Так скоро, или не так скоро, это уже не имеет значения! Для вас это значения уже не имеет. Вы, конечно, вправе подумать, что я смешон, и не имею права говорить эти слова. Да, я клерк, я маленький провинциальный чиновник, никому неизвестный, и, может быть, со-

всем бесполезный. Но я люблю вас так, как никогда не будет любить этот свихнувшийся человек. Которому нужны не вы, а некие отвлеченные формы, наполненные не менее загадочным содержанием. Тем более, как вы знаете, он ничего не хочет менять. Повторяю вам, Мария Петровна, еще два три дня, и никому не нужны будут ни формы, ни то, что в них наливают!

Мария Петровна. В них не наливают, Корецкий, их заполняют отвлеченной субстанцией, называемой писательским вдохновением.

Корецкий. Тем хуже и для него, и для форм. Я предлагаю вам жизнь простую, быть может, даже примитивную в чем-то. Но это жизнь, а не полет неизвестно куда. Это не падение в бездну, которое может постигнуть вас в любую минуту!

Мария Петровна (вздвигнув, зябко передернув плечами). Падение в бездну? Вы думаете, что конец уже близок?

Корецкий (убежденно). Если бы я так не думал, я бы здесь с вами не разговаривал. Пойдем, Маша, пойдем, и пусть он летит в тартарары со всеми своими гениальными формами!

Мария Петровна (решительно, словно падая в бездну). Ах, Корецкий, ну как я могу тебе отказать?!

Целуются, потом уходят.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Море, пляж, на краю пляжа эстрада.

У моря, на лежаке, сидят В л а д и м и р и О л ь г а.

Светит луна.

На эстраде, свесив ноги, расположились

С п е р а н с к и й и Р и х т е р.

С п е р а н с к и й(воодушевленно). Вы знаете, Рихтер, я чувствую необыкновенный прилив сил. Все эти десять лет, наполненные надеждой и переменами, вдохновили меня на поиски новых форм. Новое время требует новых форм, Рихтер. О, как мы надеялись, как мы верили в свободу и счастье, какие необыкновенные речи говорили на митингах, вспыхивающих по каждому ничтожному поводу на каждом углу! Нам казалось, что сама свобода, в первоначальном, античном понимании этого слова, пришла к нам из невероятной, тысячелетней дали. Все это толкало меня на поиски нового, еще неведомого доселе способа выражения мыслей. Старые способы, Рихтер, старые формы, вроде повести и романа, давно устарели. Грядут формы новые, более достойные той эпохи, в которой мы с вами живем. Грядет супер – роман, и это будет нечто невиданное и неслыханное до сих пор, такое, чего люди еще не видели. Или видели, но очень давно, в эпоху порядком подзабытой античности. Возможно, это бу-

дет поэма в духе Гомера, возможно, что-то еще, но это будет, Рихтер, обязательно будет! Сам воздух этих античных мест толкает меня на подвиг, сравнимый, возможно, только лишь с покорением Трои. Да, милый мой друг, только лишь Трои, и никак не меньше, поверьте уж старому сочинителю, нюхом учуявшему приход новой литературы! (*Блаженно улыбается, раскидывает в стороны руки, сощурившись, разглядывает луну.*)

Рихтер(робко). Но ведь вы знаете, что...

Сперанский(недовольно перебивая). Да, знаю, знаю! Но какое отношение имеет это к моим поискам!? Знаете, Рихтер, когда приходит время великих свершений, когда рушатся империи и государства, когда целые народы срываются с насиженных мест, и устремляются в поисках счастья в другие страны, – тогда, Рихтер, все неизбежно падает в бездну, и остановить это уже нельзя. Живущие в эпоху перемен, мой друг, живут над бездной, которая однажды непременно разверзнется. Все мы в итоге провалимся в тартарары, но до этого споем свою последнюю песнь, и эта песнь будет прекрасна!

Рихтер молчит, не зная, что возразить.

Подходят Владимир и Ольга.

Ольга. Папа, я уезжаю с Владимиром.

Сперанский. Куда, голубка моя?

В л а д и м и р (решиительно). Мы едем в Москву. (Волнуясь.) Поймите меня правильно: я литератор, мне двадцать пять лет, и я еще ничего не успел написать. Так, маленькие рассказы, мелкий и дешевый успех в местных провинциальных газетах. Провинция душит меня, я здесь задыхаюсь. Я не вижу поэзии там, где ее видите вы. Мне нужен простор, нужна перспектива, новая точка для приложения своих сил. Я чувствую, что способен гораздо на большее, я жажду новых встреч и новых больших впечатлений. Мне необходимо кругосветное путешествие, такое, которое бы перевернуло меня всего с головы и до ног. Я не такой, как вы, я не вижу поэзии в этом провинциальном заброшенном городишке. Я не ищу новые формы, я чужд гигантизма и мессианства. Я не верю, что на болоте можно создать что-то великое. И, кроме того, есть причина иного порядка, и вам о ней прекрасно известно. Отпустите Ольгу со мной, не дайте ей погибнуть вместе со всеми. Неужели вы не чувствуете, как все здесь незримо падает в бездну?!

С п е р а н с к и й (сниходительно). Ну-ну, друг мой, не надо драматизировать события. Там, где бездна, там и глубина, – вам, как литератору, это должно быть известно лучше, чем кому бы то ни было. В большом падении заключено много поэзии. В бездне можно прозреть то, чего не увидишь на ровном месте. Впрочем, я вас понимаю, – вы молоды, и вам необходимы новые впечатления. А Ольга... Ну что же, – берите ее с собой! Летите, мои дорогие, летите, но

помните, что подлинная глубина именно здесь, у этих священных вод, у этих берегов, по которым некогда ступала нога Овидия. Летите, но знайте, что в конце-концов вы возвратитесь сюда, к этой, как вы выражаетесь, бездне, и тогда, возможно, все повторится сначала. Тогда, возможно, вы вновь взрастите здесь белокрылую птичку, и новый мальчик, марающий перо в склянке с чернилами, вновь соблазнит ее честолюбивыми планами!

О л ь г а(подскакивая к *С п е р а н с к о м у*, целуя его.)
Ах, папа, как я люблю тебя за твою доброту!

Убегает вместе с В л а д и м и р о м.

С п е р а н с к и й(глядя им вслед). Ну вот, полетели, белые птицы! У них все впереди, а нам, как старым сычам, век сидеть в прогнившем гнезде!

Р и х т е р. Слишком прогнившем, Сперанский, слишком прогнившем!

С п е р а н с к и й(добродушно). Ну-ну, не надо повторять без конца избитую истину, она от этого не становится более свежей. Взгляните-ка лучше на эту луну, которой плевать на все: и на мои поиски новых форм, и на ваши поиски во мне неких загадок, которые, если честно признаться, ничто иное, как глупость и суета. Нет во мне, Рихтер, ни загадок, ни большого таланта, и вы это знаете лучше других. Я кропаю целых семнадцать лет, и за это время не со-

здал ничего выдающегося, такого, что затронуло бы читателя больше, чем первый солнечный луч, пробившийся в комнату сквозь плотную занавеску, или капля росы, сбегающая по листу на влажную землю. Я провинциальный писатель, мой друг, и за пределами этой провинции обо мне решительно никому неизвестно. Я звезда первой величины на местном убудочном небосклоне, подобном закопченному оконцу в курной крестьянской избе. На таком закопченном пространстве не может возникнуть что-нибудь по-настоящему яркое. И мы, мой друг, навеки связаны единой веревочкой. Я вечно кропаю, а ты вечно исследуешь мое бездарное творчество. Мы две клячи, навеки впряженные в одну постылую вагонетку. Мы труженики в одной угольной шахте, из которой нам не выбраться до конца своих дней. Нас может спасти только провал, который откроет нам новые горизонты. Тогда, возможно, я напишу что-нибудь гениальное, открыв неожиданно новые формы, а ты прославишь меня, как нового гения. Нас с тобой спасет только лишь катастрофа. Мы или погибнем, или обретем второе дыхание. Бездна, друг Рихтер, это наша надежда!

Р и х т е р (*отшатываясь от него*). Ты сумасшедший, Сперанский! Ты гибнешь сам, и хочешь утащить в бездну меня!

С п е р а н с к и й (*равнодушно, глядя на луну*). Извини, друг, но это реальность, такая же, как эта луна, для которой, повторяю, все равно, кто мы такие: гении, или ничтожества,

погрязшие в мелочи и пустоте повседневности.

Рихтер (*спрыгивая с эстрады*). Нет, извините, но это все слишком серьезно! Ваше упрямство ставит под удар и меня, и вашу семью; хорошо еще, что хоть Ольга наконец-то уедет куда-то. Но как быть с вашей женой, вы ведь и ее тянете в бездну!

Сперанский (*отмахиваясь*). Поверьте, мой друг, ей решительно все равно, куда я падаю, и падаю ли я куда-то вообще. Она одинаково мужественно перенесет и мое падение, и мое неожиданное спасение. Таковы, впрочем, все женщины, и я ее в этом ни капли не осуждаю. Кстати, вы не знаете, куда она делась?

Рихтер. Пойду поищу, а заодно и немного пройдуся.

Уходит.

Сперанский остается один.

Лунный свет. По пляжу, ковыляя, бредет

Андропуло. Он сильно пьян.

Андропуло (*останавливаясь напротив Сперанского*). Все сгнило и превратилось в труху. Я сам видел. Андропуло не какой-нибудь безмозглый дурак, он сам все все видит и пробует на язык. Повторяю вам, – все опоры прогнили, и мы с вами повисли в воздухе, как мотыльки. Нет, не как мотыльки, а как голуби в голубятне. Вы понимаете, о чем я говорю? Андропуло всегда говорит то, что видит.

Он сам все щупает и пробует на язык. Скоро всех нас пощупают и попробуют на язык. Там, в воде, где ходят стаями хищные рыбы. Вы не видели случайно моего Сашку? Не видели? И Василиса Ивановна тоже не видела. Никто не видел нашего Сашку. Наверное, он опять пошел встречать последний троллейбус. Пойду и я, а вы тут пока посидите. Может быть, вернется Мария Петровна. Она тоже, наверное, пошла кого-то встречать. *(Пьяно смеется.)* Андронопуло не обмануть, он видит, что все прогнило и превратилось в труху.

Уходит.

Сперанский *(после паузы)*. Что он там такое говорил про Машу? Как странно, но отсутствие жены тревожит меня больше, чем отъезд дочери. Пойду и я к троллейбусной станции, в эту ночь все равно не уснуть.

Уходит.

Свет луны. Появляется Ольга. Подходит к эстраде, садится на освободившееся место.

Ольга *(некоторое время молча смотрит на луну)*. Я чувствую необыкновенную легкость. Как птица, парящая высоко над землей. Как белый голубь, покидающий родное гнездо, свитое на краю седого утеса. Как голубка. Я голубь. Я голубка, вынужденная улетать далеко-далеко. Туда, где все

еще неизвестно, все дышит тайной и закрыто неведомыми горизонтами. Я лечу к неведомым горизонтам, и знаю, что это правильно, потому что в гнезде оставаться нельзя. Гнездо скоро рухнет в пучину, и от него не останется ничего, кроме перьев и пуха на краю мрачной скалы. Кроме мокрого следа, который вскоре смоем волнами. Я кружу над водою, я издаю призывные крики, но никто на них не обращает внимания. Такое ощущение, что все заранее смирились с бедою. Все словно бы специально желают погибнуть, и этим доказать что-то важное, то, что, живя жизнью обычной, они доказать никогда не сумеют. (*Задумывается*). Как странно, но папа у меня совсем не спросил, собираемся ли мы с Владимиром пожениться. Ему, наверное, все равно. Или, может быть, он действительно хочет, чтобы я улетела. Как голубь. Как голубка, покидающая родное гнездо.

Некоторое время сидит молча.

Свет луны. Появляется С а ш а.

О л ь г а. Где ты был, Саша?

С а ш а. Я встречал последний троллейбус.

О л ь г а. Ты верен себе.

С а ш а. Я всегда верен себе.

О л ь г а (помолчав). Да, я это знаю. Ты знаешь, Саша, я уезжаю.

С а ш а. Нет, ты не уезжаешь, – ты улетаешь.

О л ь г а(удивленно). Откуда ты догадался?

С а ш а. Я знаю о тебе все.

О л ь г а. Ты не можешь знать обо мне все.

С а ш а(упрямо). Нет, я знаю о тебе все. Я знаю, какого цвета у тебя глаза, какие песни ты поешь по утрам, и какой помадой ты мажешь губы. Я даже знаю, сколько родинок у тебя на спине, и какой они формы, – там, под левой лопаткой, где сама ты не можешь увидеть.

О л ь г а(после паузы). Ты влюблен в меня, Саша?

С а ш а. Нет. Просто ты мне очень нравишься. Иногда. Тогда, когда не хочешь никуда уезжать. Особенно с этим Владимиром. (*Отрывисто.*) Не верь ему, Оля, он обманет тебя! Я знаю таких, они способны только срывать цветы.

О л ь г а(смеется). Что-что срывать?

С а ш а. Цветы. Цветы наслаждения. Он натешится, и бросит тебя.

О л ь г а(тихо). Ты хочешь, чтобы я осталась?

С а ш а. Нет не хочу.

О л ь г а. Почему?

С а ш а. Ты сама знаешь, почему. Потому что тогда ты погибнешь.

О л ь г а. Так что же мне делать?

С а ш а. Не знаю. Я вообще уже с некоторых пор ничего не знаю и не понимаю вокруг.

О л ь г а(с любопытством). А зачем ты каждый вечер встречаешь троллейбус?

Саша. Последний? Я не знаю, зачем. Возможно, я хочу встретить там человека, который бы мне все объяснил. Почему за весной приходит лето и осень, почему у тебя на спине родинка в форме звезды, и почему я не могу с тобой уехать отсюда. (*Доверительно.*) Знаешь, они считают меня сумасшедшим.

Ольга. Кто?

Саша. Мать, и этот Андронопуло, ее новый муж. Он каждый день залезает на утес, и смотрит на сваи, которые поддерживают в воздухе дачу.

Ольга. И что же он там увидел?

Саша. Он говорит, что сваи совсем прогнили, и дача держится неизвестно на чем. На честном слове, или на злости.

Ольга. Это, Саша, давно всем известно. Это тайна полишинеля.

Появляется Василиса Ивановна.

Василиса Ивановна. Где ты был, Саша, опять встречал свой последний троллейбус?

Саша(тихо). Да, мама, я опять встречал свой последний троллейбус.

Василиса Ивановна(всплескивая руками). О Боже, Саша, но почему именно последний троллейбус; почему не первый и почему не второй? Ты болен, Саша, тебе надо де-

лать электрошоковую терапию. Я не вижу, Саша, иного выхода. И профессор из области думает то же самое.

Саша(*так же тихо*). Как скажите, мама, вам с профессором, конечно, виднее.

Василиса Ивановна(*обращаясь не то к луне, не то к небесам*). О Господи, Саша, нам с профессором, конечно, виднее! Но ведь после электрошоковой терапии ты станешь совсем другим человеком, и тебя придется возить на коляске. А я не хочу возить тебя на коляске, я хочу видеть тебя молодым и здоровым. Одно слово, Саша, одно лишь только твое слово, и не будет ни электрошока, ни областного профессора. Ну хочешь, я стану перед тобой на колени!?! (*Падает на колени.*)

Саша(*все так же тихо*). Я не могу сделать этого, мама. У меня остался только этот троллейбус, все остальное вы у меня уже отобрали.

Василиса Ивановна(*вскакивая с колен, хватая Сашу за руку*). Что мы у тебя отобрали, мерзавец! Нет, ты мне немедленно объясни, что мы такое у тебя отобрали? (*Тянет Сашу домой.*)

Саша(*увлекаемый Василисой Ивановной*). Я не могу объяснить этого, мама.

Ольга остается одна.

Светит луна. Над морем стоит тишина. Ольга некоторое время сидит на эстраде, а потом прыгает вниз, и мед-

ленно идет в сторону дачи, пока тьма не поглощает ее.

Появляется *С п е р а н с к и й*. Он неуверенно бредет по пляжу, не разбирая дороги. Навстречу ему из темноты выходит *М а р и я П е т р о в н а*. Волосы ее растрепаны, она явно пьяна.

С п е р а н с к и й(удивленно глядя на *М а р и ю П е т р о в н у*). Маша, это ты? Где ты была? Ответь мне, Маша, прошу тебя, не молчи!

М а р и я П е т р о в н а(улыбаясь *С п е р а н с к о м у*). А, это ты! Какой чудный вечер, не правда-ли? И это море, и эта луна, все такое тихое и не слышно ни звука. (*Неожиданно смеется.*) Ты искал меня, милый?

С п е р а н с к и й(трясет ее за плечи). Опомнись, Маша, ты ведь мать взрослой дочери! Ответь мне, Маша, где ты была? Я искал тебя по злачным местам, я оббегал весь город, и один Бог знает, что пережил!

М а р и я П е т р о в н а(удивленно). Ты искал меня по злачным местам? Но зачем, милый, зачем ты это делал?

С п е р а н с к и й(отчаянно). Потому что я люблю тебя, Маша! Потому, что ты мать взрослой дочери. Потому, что ты мне изменяешь.

М а р и я П е т р о в н а(удивленно). Я? Тебе изменяю? Но это, милый, совсем не так, это неправда, ты не должен верить таким небылицам. Пойдем, милый, домой, пойдем, уже поздно, а завтра утром тебе обязательно надо написать

что-нибудь гениальное. (*Берет Спранского под руку, и, нетвердо ступая, ведет его в сторону дома.*) Ах, милый, ну что за луна сегодня, и этот свет, все от него, и все скоро пройдет.

Оба уходят в тень.

Пляж пустой и залит лунным светом.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Ночь. Пляж. Светит луна.

*На эстраде А н д р о н о п у л о и К о р е ц к и й
возятся с занавесом.*

*Напротив эстрады, на пляже, в беспорядке расставлены
несколько стульев, на которых сидят С п е р а н с к и й,
Р и х т е р и М а р и я П е т р о в н а.*

За эстрадой шум и движение.

М а р и я П е т р о в н а. Что это за странная идея –
устраивать представление ночью?

Р и х т е р. Это все Владимир придумал.

С п е р а н с к и й. Не ночью, а в полночь, это большая
разница.

М а р и я П е т р о в н а. Почему большая разница?

С п е р а н с к и й. Потому что в этом заключен большой
смысл. Полночь означает перелом, переход от света к тьме,
падение в бездну, из которой, возможно, уже не удастся вы-
рваться.

Р и х т е р. Или как переход от бодрствования – ко сну.
Никогда не знаешь заранее, проснешься ты утром, или оста-
нешься витать в мире снов. В мире призраков и вечных иллюзий.
Который, очевидно, и есть то, что мы называем смер-
тью.

Мария Петровна. Не нравятся мне эти мысли. Все это звучит как-то фатально.

Рихтер. Это опять же задумка Владимира. Он ведь тоже писатель, и тоже ищет новые формы. Он хочет, чтобы стихии природы, день, ночь, близость моря и безмолвие полночи участвовали в сегодняшнем представлении.

Мария Петровна(Сперанскому). А что это за пьеса, о чем в ней говориться?

Сперанский(небрежно). Так, безделица. Пьеса о переломе в жизни писателя. Впрочем, все это известно исключительно со слов автора. Нам он пьесу свою не читал. Возможно, он написал сам о себе.

Мария Петровна. О переломе?

Сперанский. Да, о переломе, который неизбежно приходит к любому из нас. Который неизбежно ставит перед нами все те же вопросы, волнующие людей во все времена: «Быть или не быть?», «Любить, или не любить?», «Уходить или остаться еще немного?». Впрочем, потерпи, скоро мы все сами увидим.

Из-за эстрады доносятся возбужденные голоса Владимира, Ольги и Василисы Ивановны.

Мария Петровна(удивленно). И Василиса Ивановна там играет?

Рихтер. А как же, она здесь, по слухам, главное дей-

ствующее лицо. Владимир и Ольга исключительно на вторых ролях, для придания колорита главной фигуре.

Мария Петровна. Она что, играет мужчину? Вы говорили, что пьеса о переломе в жизни мужчины.

Сперанский. Я говорил, что пьеса о переломе в жизни писателя. Василиса Ивановна играет писателя.

Мария Петровна. Как так писателя?

Рихтер. Очень просто: писателя-мужчину, занятого поиском новых форм. Неужели женщина не может играть писателя?

Сперанский. И не искать новые формы?

Мария Петровна(она сбита с толку). Разумеется, может. Однако все это, повторяю, очень странно.

Сперанский. Потерпи еще немного, и все поймешь.
(Начинает хлопать в ладоши.)

Рихтери Мария Петровна присоединяются к нему, и тоже начинают хлопать в ладоши.

Рихтер(кричит). Музыка, музыка! Полночь пробил, просьба начинать представление!

Из-за занавеса поочередно показываются испуганные головы Ольги, Владимира и Василисы Ивановны, потом исчезают. Слышится возбужденный шепот.

Корецкий и Андропул уходят с эстрады и

присоединяются к з р и т е л я м.

Занавес открывается.

*На сцене, за письменным столом, рядом с горящей свечой, с пером в руке, перед склянкой с чернилами и кипой белых листов **В а с и л и с а И в а н о в н а** в просторном белом балахоне, спадающем до самой земли и закрывающем ноги. На голове у нее лавровый венок.*

В а с и л и с а И в а н о в н а *(завывая, глядя на луну).*
О поиски новых форм! О нелегкая доля быть современным писателем! О вы, Байрон, Шекспир и Пушкин, о ты, божественный Гомер! Все вы, мои собратья-писатели! Я занят теми же поисками, которыми занимались и вы! Как и вы, я страдаю в безмолвной полночи, и тщетно обмакиваю перо в склянке с густыми чернилами, ожидая, когда же ко мне придет вдохновение!

Яростно опускает перо в чернила.

Я жду тебя, о божественное вдохновение! Я ловлю твой приход, и готов измарать кипу листов бумаги в предвкушении тайных, невероятных открытий! Я знаю, что должен создать нечто новое, такое, чего люди не видели еще никогда. Написать супер-роман, который прославит меня не меньше, чем Пушкина, или Толстого. О приди же ко мне, мой супер-роман, плод моих бессонных ночей и награда за мои

непрестанные поиски. О придите ко мне, бессмертные Музы, и принесите на блюдечке этот супер-роман, который поставит меня рядом с известными именами! Рядом с Гомером, Пушкиным и Шекспиром!

Вздыхает руки вверх, призывно глядя на луну.

Появляются Владимир и Ольга, одетые Музами. Они в таких же длинных, ниспадающих до земли, балахонах; на головах у них лавровые венки, а за спиной белые крыльышки.

Владимир(строго). Ты звал нас, несчастный?!

Василиса Ивановна(радостно). О, Музы, великие Музы! Вы вняли моим страстным призывам!

Ольга(строго). Кто это ничтожество?

Владимир(небрежно). Так, местный писака, мечтает написать супер-роман.

Ольга. Он что, совсем спятил?

Владимир. Похоже на то. Мечтает стать вровень с Гомером.

Ольга. Он что, хочет ослепнуть? Он разве не знает, что великий Гомер был ослеплен, чтобы видеть то, чего не видно другим?

Владимир. Куда там, он на это не пойдет ни за что. Он и рыбку выудить хочет, и ноги боится в пруду замочить.

Ольга(презрительно). Я так и знала! Он недостоин божественной милости. Он недостоин помощи Муз!

Василиса Ивановна(падая на колени). О Музы, сжальтесь, не бросайте меня!

Владимир. Да замолчи ты, несчастный писака! Кропай себе потихоньку бездарные сочинения, и не вызывай к себе тех, чьей помощи недостойн! Запомни – ты никогда не напишешь свой супер-роман! Музам на тебя наплевать!

Ольга(беря за руку Владимира). Пошли, подруга, не будем терять время на это ничтожество!

Владимир. Пошли, подруга!

Удаляются, взявшись за руки.

Все аплодируют, кроме Сперанского.

Сперанский(вскакивая). Нет, это подлость! Это фарс, это недостойно пера гуманиста! Как низко, как невероятно низко, и с каким подлым подтекстом!

Мария Петровна. Сперанский, опомнись, о чем ты говоришь? Пьеса хорошая, и мне очень понравилась. Такое ощущение, что написано о хорошем знакомом. О ком-то, с кем видишься каждый день.

Сперанский. Маша, и ты туда же! Вам хочется надо мной посмеяться! Вы все сговорились, и вместо хорошей пьесы, вместо сцен, действительно отражающих поиск художника, подсунули мне эту гадость! Да, я ищу! Ищу постоянно, дожив уже до седых волос! Но разве в этом моя вина? Разве я виноват в том, что современная литература на-

ходится в тупике? Зачем же так жестоко и несправедливо?!

Уходит, опрокинув стул.

В а с и л и с а И в а н о в н а, до этого стоявшая на сцене, спускается вниз.

Из-за эстрады выходят В л а д и м и р и О л ь г а.

О л ь г а. Мама, что с папой? Он, кажется, сильно расстроился!

В л а д и м и р (сконфуженно). Извините, Мария Петровна, мы только хотели слегка подшутить.

М а р и я П е т р о в н а. Ничего, ничего, он просто очень впечатлительный последнее время.

В а с и л и с а И в а н о в н а (стягивая с себя балахон). Никогда больше не буду актрисой! Неблагодарная профессия, и обозвать могут ни за что, ни про что!

Р и х т е р (смеется). Это потому, что вы играли мужчину. Надо было играть женщину!

В а с и л и с а И в а н о в н а. Нет, все равно, больше в актрисы меня не заманите. Андронопуло, пойдем, братец, домой! (Оглядывается по сторонам.) И Саша опять куда-то пропал. Придется все-таки везти его в область к профессору!

Уходит вместе с А н д р о н о п у л о.

О л ь г а (переглядываясь с В л а д и м и р о м). Мы тоже,

мама, пойдём.

Уходят.

Рихтер. Пойду и я, успокою Сперанского. А сцена, ей-ей, была хороша!

Уходит.

Мария Петровна и Корецкий остаются одни.

Корецкий. Твой муж – форменный псих! Я об этом всегда говорил.

Мария Петровна. Ты же знаешь, над ним тяготит эта проблема.

Корецкий. Над нами всеми тяготит эта проблема.

Мария Петровна. Ему тяжелей, чем другим. Он чувствует глубже и тоньше.

Корецкий. Не только у него есть душа.

Мария Петровна. Ольга с Владимиром могли быть поделикатней. Он узнал себя в аллегории.

Корецкий. Ничего, пусть посмотрится в зеркало!

Мария Петровна. Зеркало уж больно злое сегодня.

Корецкий (*притягивает ее к себе*). Маша, оставь его, умоляю, оставь! Ты же видишь, он не желает смотреть правде в глаза!

Мария Петровна (*слабо обороняясь*). Я прожила

с ним семнадцать лет!

Корецкий. Он губит и себя, и всех вас!

Мария Петровна. Ему сорок два, и он все еще большой ребенок.

Корецкий(целуя ее). Маша, прошу тебя, сделай выбор!
(Тянет ее за руку.)

Мария Петровна. Если бы это было так просто!

Уходят.

Появляется Саша, с интересом осматривает эстраду, на которой стоит стол с кипой бумаг, пером и склянкой чернил, потушенную свечу, брошенные рядом балахоны, лавровые венки и крылышки Муз.

Саша(опускаясь на стул, задумчиво). Я люблю, но никогда не буду ей обладать. Скоро я вообще ничем не смогу обладать. Мне сделают электрошок, и мама будет возить меня на коляске. она будет жаловаться соседкам на рынке, и те будут ее за это жалеть. А меня обзывать маленьким идиотом.
(Задумчиво, после паузы.) Я тоже птица, и тоже хочу улететь, только не знаю, куда.

Встает, и уходит.

Пляж пустой и залит лунным светом.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Двор дачи. Вблизи, на фасаде, полюбвавшаяся, поросшая травой, в овальной гипсовой раме надпись: «Голубка». На второй этаж ведет металлическая лестница, на нем балкон с несколькими проросшими деревьями. Фасад дачи старый, покрытый трещинами, кровля из жести, сбоку островерхая башенка. Во дворе большое миндальное дерево. Склон холма также порос деревьями и кустарником. Внизу видно море. Двор отгорожен от остального пространства решетчатыми воротами, в них калитка. Во дворе стол и несколько стульев; посередине, над обрывом, скамейка; справа флигель, возле него тоже скамейка.

Вечер.

За столом С п е р а н с к и й и Р и х т е р.

С п е р а н с к и й давно остыл, он добродушен, расслаблен, настроен на философский лад.

С п е р а н с к и й (разливая вино). Жизнь, Рихтер, прекрасна, а порой даже и удивительна. Причем настолько, что все мелочное и суетное внезапно исчезает куда-то, и взору открываются такие прекрасные дали, что дух захватывает от величия Божьего замысла. Мы, Рихтер, козявки и ничтожная тля перед грандиозностью мироздания, мы отжили свое и скоро уйдем. Мы допотопные монстры, ископаемые чудо-

вища, уже давно спевшие свою последнюю песнь. Нам в спину дышат другие, молодые и рьяные, которые допоят то, что не допели мы, и допишут то, что мы только задумали.

Рихтер (прихлебывая вино). Но зачем же так мрачно? Зачем записывать себя в ископаемые?

Сперанский. Потому, что это свершившийся факт. Я вот вспылил, обиделся на этого мальчика, выведшего меня в своей пьесе эдаким идиотом. А ведь я и есть идиот, Рихтер! Мои поиски новых форм не что иное, как бессилие старости, которая боится рьяности молодых и устраивает по этому поводу безобразные сцены. А ведь будущее за ними, будущее за этим мальчиком, приставившим мне к носу беспощадное зеркало. Это он напишет супер-роман, попутно похитив мою дочь, и попутно же посмеявшись над моей немощью и бессилием.

Рихтер. Он всего лишь автор одной простенькой пьески. Быть может вашу дочь он и похитит, но насчет супер-романа еще ничего неизвестно. Вы еще молоды и полны сил, и вам еще многое по плечу.

Сперанский. Нет, Рихтер, я глубокий старик. Внутри я весь выгорел и подернулся пеплом. Мы оба с тобой такие: колоссы на глиняных ногах. Как та империя, которая недавно рухнула, и к которой мы оба с тобой принадлежали.

Рихтер (возражая). Мы оба боролись против нее.

Сперанский. Не возражай, Рихтер, это было все наносное: наша борьба, наши митинги, сборы подписей, ре-

чи и хождение на демонстрации. Мы рождены там, в недрах тысячелетней империи, мы такие же монстры, как и она. Произошла смена геологических эпох, Рихтер, сдвиг глубинных пластов, влекущий за собой землетрясения и катаклизмы. Наша эпоха безвозвратно ушла. Рождается новый день, чистый и светлый, и нам в этом дне места, увы, не будет!

Рихтер. Неужели не будет?

Сперанский. Нет, друг мой, не будет. Мы люди заката, мы участники грандиозного катаклизма, положившего конец старому царству. Рождается царство новое, и жить в нем предстоит молодым: Владимиру, Ольге, этому бедному Саше, который в новом царствии обязательно встретит свой последний троллейбус. И, поверь, эта встреча будет прекрасна!

Рихтер. Неужели все так мрачно?

Сперанский. И мрачно, и прекрасно одновременно! Мы присутствуем при финале замечательного спектакля, но этот спектакль закончился, зажегся яркий свет, отгремели аплодисменты, и пора уходить по домам. Но завтра начнется новый спектакль, новое, невиданное и неслыханное представление, билеты на которое, увы, нам уже не достанутся!

Рихтер. Вы в этом уверены?

Сперанский. Да. Уверен. В этом спектакле все будет другое. Совсем не то, с чем жили мы. Потухнет свет, упадут тяжелые занавеси, и на сцене откроются такие потрясающие виды, которые затмят все, что было до этого. Чудесные

здания, прекрасные города, чистые, одухотворенные лица, – вот, что будет там! Это будет мир без войн и насилия. Это будет идеальное общество, о котором веками мечтали лучшие умы человечества! Вот, Рихтер, вот (*показывает на море*), вот закат нашей с тобой жизни, вот этот занавес, который завтра поднимется для кого-то другого!

Стоят, обнявшись, со стаканами в руках, на краю утеса, и смотрят в сторону моря.

На втором этаже раздаются крики. На балконе появляется В а с и л и с а И в а н о в н а, она тащит за собой огромный тюк с вещами.

В а с и л и с а И в а н о в н а (*стаскивая вещи по лестнице во двор*). Все, хватит, сил моих больше нет! Не хочу жить в голубятне! Все жильцы давно съехали, остались одни полумные. Ну эти-то (*показывает на Р и х т е р а и С п е р а н с к о г о*), эти понятно, что здесь делают. Им нужна глубина, они ее и получают. Пойдут рыбам на корм. Но что здесь делаю я, вот в чем вопрос? (*Кричит.*) Андронопуло! Андронопуло!

На балконе появляется А н д р о н о п у л о.

В а с и л и с а И в а н о в н а. Андронопуло, решено, съезжаем немедленно! Все уже съехали, съедем и мы. Тащи вещи вниз, что под руку подвернется, то и тащи! Нам еще

жить и жить, нам рыбам на корм идти рано. (*Проверяет содержимое тюка с вещами.*)

А н д р о н о п у л о. Хорошо, Василиса Ивановна, съезжать, так съезжать! (*Уходит с балкона в комнату.*)

В а с и л и с а И в а н о в н а (*кричит*). Андропопуло!

А н д р о н о п у л о (*выходит на балкон*). Я здесь.

В а с и л и с а И в а н о в н а. Андропопуло, ты не знаешь, где Саша?

А н д р о н о п у л о (*разводит руками*). Не знаю, Василиса Ивановна. А мебель, Василиса Ивановна, пожалуй, через балкон не пройдет. Буфет, пожалуй, придется опускать из окна.

В а с и л и с а И в а н о в н а (*кричит*). Какой буфет, какое окно? Ты что, Андропопуло, совсем спятил? Вы что, хотите меня до судорог довести? Один буфет через окно хочет спускать, другой, наверное, опять ушел на остановку троллейбуса. Нет, Андропопуло, все отменяется. Завтра же едем в область к профессору, и пусть делает этому чокнутому электрошоковую терапию! Или я, или он, другого выхода нет! А вещи и буфет пусть пока подождут. (*Затаскивает тюк с вещами обратно по лестнице вверх.*)

А н д р о н о п у л о. Как скажите, Василиса Ивановна. А все же лучше съехать сегодня, а то все сваи прогнили, и дача висит неизвестно на чем.

Оба уходят внутрь дома.

Сперанский и Рихтер, обнявшись, продолжают стоять на вершине утеса.

Во двор через калитку заходят Владимир и Ольга.

Ольга. Папа, извини нас за нашу глупую выходку!

Владимир. Ей-Богу, это была невинная литературная шутка.

Сперанский(оборачиваясь). Нет, нет, это была не шутка. Это, дети мои, было страшное зеркало, в которое вы заставили меня посмотреться. И правильно сделали, ибо в конце-концов приходит момент, когда человек должен увидеть свое собственное лицо. Многие, к сожалению, не делают этого никогда.

Ольга. Так ты прощаешь нас?

Сперанский. Прощаю.

Владимир. И не сердитесь?

Сперанский. И не сержусь.

Рихтер. Очень благородно, Сперанский, с твоей стороны, но сам я, как критик, хотел бы добавить, что пьеса ваша, молодой человек, слишком сыра. Собственно говоря, это не пьеса, а некая сцена, до пьесы ей еще расти и расти. С таким сырым материалом вам в Москве не пробиться. Может быть, вам лучше начать в провинции?

Владимир. Нет, все уже решено, скоро мы уезжаем. А что касается до достоинств пьесы, то я с вами полностью со-

лидарен: это вовсе не пьеса, а некая сцена, и она, безусловно, слаба.

Сперанский. Все, все, хватит литературных разборов! Все уже сказано, и ничего изменить уже невозможно. Летите, дети мои, летите, а мы пока полюбуемся на чудесный закат! (Опять обнимает Рихтера, и увлекает его к обрыву.)

Ольга с Владимиром исчезают.

Во двор заходит Корецкий.

Корецкий (решиительно, Сперанскому). Прошу прощения, я, может быть, не ко времени. Хотя, с другой стороны, как человек честный и благородный... Одним словом, я больше молчать не намерен, и вынужден изложить все обстоятельства дела. Поверьте, откладывать больше нельзя, все очень запуталось, и висит буквально на волоске. Ваша нерешительность и амбициозность... (С удивлением смотрит на Сперанского, не обращая на него никакого внимания.) Впрочем, я вижу, что вам все равно. В таком случае я должен уйти. Но завтра я снова вернусь, и вам придется выслушать меня до конца.

Поворачивается, и уходит.

Сперанский (с удивлением глядя на удаляющегося Корецкого). Ты не знаешь, что ему было нужно?

Рихтер. Должно быть, приходил с какой-нибудь бюрократической просьбой. У этих чиновников все очень официально.

Из дверей выходит Мария Петровна.

Мария Петровна. Мне показалось, здесь кто-то был? **Сперанский.** Нет, Маша, не было никого. Корецкий только заходил поздороваться.

Мария Петровна. Как странно, но вы с ним уже утром виделись.

Рихтер. У этих чиновников все не как у других. Возможно, он собирается о чем-то просить.

Мария Петровна (странно глядя на него). Вы так считаете?

Уходит вглубь дома.

Появляется молчаливый Саша, и, ни с кем не здороваясь, садится во дворе на скамейку, молча глядя прямо перед собой.

Сперанский и Рихтер поворачиваются к обрыву, и, обнявшись, продолжают смотреть в сторону моря.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Утро. Двор дачи. На мощеном булыжником дворе, через который также пробивается трава, в тени, за столом, у раскрытой двери первого этажа, сидит С п е р а н с к и й, и пьет чай.

Снизу, со стороны моря, поднимается испачканный и взъерошенный А н д р о н о п у л о. Он, как всегда, слегка пьян.

А н д р о н о п у л о(удивленно разводит руками, обращаясь к С п е р а н с к о м у). Все сваи прогнили и превратились в труху, я нарочно сегодня еще раз смотрел. Меня Василиса Ивановна каждый день посылает смотреть. Она по утрам обязательно загадывает: упадет дача сегодня, или продержится до завтрашнего утра?

С п е р а н с к и й(отставляя в сторону чашку). Почему же вы не уезжаете отсюда? Все жильцы давно уже съехали, остались только две наши семьи.

А н д р о н о п у л о. Василиса Ивановна говорит, что не уедет отсюда из принципа. Она говорит, что пока не уедете вы, до тех пор не уедем и мы. Она уверена, что вы знаете какой-то секрет.

С п е р а н с к и й(удивленно). Секрет? А, впрочем, секрет действительно есть. Передайте Василисе Ивановне, что эта дача не упадет никогда. Даже если прогнили все сваи, и мы

давно уже висим в воздухе неизвестно на чем. Дело в том, Андронопуло, что это не дача, а голубятня. А голубятни, мой друг, не падают никогда. Их специально строят повыше, чтобы их обитателям было легче взлетать. Впрочем, если вы все же боитесь, вам лучше съехать. Я бы на вашем месте съехал прямо сегодня.

Андронопуло. Нет, Василиса Ивановна сегодня, пожалуй, не съедет. Теперь, когда Саше сделали электрошоковую терапию, и он не пойдет встречать свой последний троллейбус, она радуется, и не хочет съезжать раньше вас.

Сперанский (рассеянно). А, ну это дело ее, это дело ее. Передайте Василисе Ивановне мой нижайший поклон и пожелание всех благ в ее нелегких педагогических хлопотах.

Андронопуло. Обязательно передам, а заодно уж и про секрет расскажу.

Поднимается на второй этаж.

Во двор входит Саша. Голова у него забинтована.

Сперанский. Что, друг мой, больно?

Саша. Сначала, когда прикрепили два провода и пропустили ток, было больно, а потом ничего, только голова немного кружилась.

Сперанский. И как, помогло тебе это лечение?

Саша. Нет, по-моему, не помогло. Только зря выжгли десять процентов мозга, а так, по-моему, все осталось, как

есть. Только голова немного кружится.

Сперанский. Ты не переживай, у тебя осталось еще девяносто. Человеческий мозг вообще большая загадка. Мне иногда кажется, что он дан нам по очень большой ошибке. Люди и со ста процентами не знают, что делать, и куда их приложить. Большой мозг их тяготит. А другие, вообще не имея мозгов, делают поразительные успехи на разных поприщах. Так что ты с оставшимися девяносто можешь сделать неплохую карьеру. Только ты их больше не зли, и не ходи встречать этот свой последний троллейбус, а то они постепенно выжгут тебе весь мозг до конца. Некоторых любящих мамаш, мой друг, а также усердных профессоров не остановишь ничем. Они могут залечить человека до смерти.

Саша. Нет, я им не поддамся. Сегодня я опять пойду встречать свой троллейбус.

Сперанский. Тогда послушай моего совета, и сделай это не сегодня, а завтра. Если послушаешься, то останешься со своими девяносто процентами, и сможешь жить дальше, как ни в чем ни бывало. Не лучше, и не хуже, чем остальные.

Саша. Хорошо, я пропущу один день. Все равно кружится голова и мелькают перед глазами белые точки.

Сперанский. Это не точки, это птицы, мой друг. Мы ведь живем с тобой на голубятне, и видим в окно птиц, да синее небо.

Саша подходит к флигелю справа от дачи, опускается

на скамейку, и неподвижно сидит, смотря прямо перед собой.

Во двор входит Рихтер, садится за стол напротив Сперанского.

Рихтер. Все готово. Я только что говорил по телефону с издательством. Они готовы составить договор на твой роман с моим предисловием. Это, безусловно, большая победа, и за нее стоит выпить.

Сперанский. Ты так считаешь?

Рихтер. Безусловно. Они были заинтригованы твоим поиском новых форм, особенно когда я им все это растолковал. Договор непременно будет подписан, и в самое ближайшее время. *(Кричит.)* Мария Петровна! Мария Петровна!

Из дверей выходит Мария Петровна.

Рихтер. Вина и бокалы для меня и господина писателя! Сегодня особый день, Мария Петровна. Сегодня мы подводим черту под долгим периодом неудач. Сегодня мы прощаемся с длинным этапом, наполненным падениями и недолгими взлетами, закончившимся блистательным и несомненным успехом. Одним словом, Мария Петровна, мы пьем за новую книгу, пускай еще ненаписанную, но которая в ближайшее время появится на прилавках множества магазинов. За книгу, которая принесет нам баснословную прибыль!

Мария Петровна (удивленно). Вы это серьезно?

Рихтер. Серьезней не бывает, моя дорогая. Гулять, так гулять! Несите вино и бокалы.

Мария Петровна. Хорошо, сейчас принесу. (*Уходит вглубь дома.*)

Сперанский (*слегка морщась*). Послушайте, Рихтер, вы хоть сами верите в то, что сказали?

Рихтер. Мне нельзя не верить, мой друг. Мы связаны с вами одной веревочкой, и нам теперь не развязаться до смерти. Десять лет я сообщал всему миру о вашем поиске новых форм, которые в конце-концов выльются в нечто потрясающее и фантастичное. Мне теперь отступать не с руки. Да и вы сами не далее, как вчера, разве не говорили мне о предчувствии, живущем в вас последнее время? О новом супер-романе, сродни твореньям Гомера или Шекспира, который непременно появится на этих берегах. Ибо там, где ступала нога Овидия, где закололся могущественный Митридат, где все овеяно запахом вечности и античности, такой супер-роман не появиться просто не может?

Сперанский. Все правильно, только про Митридата я вам не говорил. Это из Пушкина.

Рихтер (*нетерпеливо*). Какая разница, что не говорили, и что это из Пушкина? Но ведь про супер-роман говорили определенно. Вот я и уговорил сегодня издательство на этот договор, и, между прочим, на вполне приличный аванс, который они нам сюда перечислят. Неужели я сделал что-то не

так?

Сперанский. Все так, мой друг, все правильно, но с одним небольшим уточнением. И про античность правильно, и про поиски, и про атмосферу, располагающую к писательству. Но почему вы знаете, что этот супер-роман напишу я, а не этот друг моей дочери, с которым она, даже не зарегистрировавшись, уезжает в Москву? Почему вы знаете, что это буду я, а не он?

Рихтер. Я слишком много вложил в вас, как критик, чтобы думать иначе. Я слишком много поставил на кон, чтобы дать другой лошади прийти к финишу первой.

Входит Мария Петровна с вином и бокалами. Разливает, а потом садится за стол рядом с Рихтером и Сперанским.

Рихтер (поднимает бокал). За успех!

Сперанский. За успех!

Мария Петровна. За успех!

Пьют, некоторое время молчат.

Рихтер (после паузы). Теперь о том, о чем все так упорно молчат. Об этой чертовой даче, которая висит в воздухе уже много лет, и которую покинули все ее обитатели. Кроме вас и еще одной ненормальной семьи. Но они, разумеется, не

в счет, они меня совершенно не интересуют. Меня интересуют вы, рискующие в любой момент стать пищей для рыб и морских каракатиц.

Сперанский. О Господи, вы опять про свое! Неужели у вас нет темы получше? Поговорим, наконец, о погоде, или о видах на урожай в здешних злачных долинах. Все же приятней, чем об этих рыбах и каракатицах.

Мария Петровна. Мой муж не любит, когда поднимают эту неприятную тему.

Рихтер. Вы что, самоубийцы? Вам что, хочется умереть?

Сперанский. Видите-ли, мой друг, большие темы приходят именно в критических ситуациях. Для того, кто стоит на краю, все видится гораздо глубже и гораздо масштабней. Я не напишу свой роман, если съеду отсюда.

Мария Петровна(загадочно). И, кроме того, на краю, над бездной, к человеку приходят новые чувства. Вспыхивают страсти, о которых раньше нельзя было даже мечтать.

Сперанский. Вот видите, Рихтер, вы и получили ответ на свой сакраментальный вопрос. Мы висим на краю, и вынуждены висеть здесь до конца, потому что ни на каком другом месте не видно так глубоко и не вспыхивают такие сильные страсти.

Рихтер. Вы оба сумасшедшие, вас надо лечить!

Сперанский. Вы хотите сделать нам электрошоко-

вую терапию? Здесь вы тоже не оригинальны, мой друг, вас опередили наши соседи (*кивает на С а ш у*). Только ведь и электрошок, пожалуй, ничего вам не даст. Люди прекрасно живут и с оставшимися кусочками мозга, и их по-прежнему тянет встречать свой последний троллейбус.

Р и х т е р подавлен, и не знает, что отвечать.

Через ворота во двор входят В л а д и м и р и О л ь г а.

О л ь г а. Мама, завтра мы с Владимиром уезжаем.

М а р и я П е т р о в н а. Ну что ж, раз ты так решила... Надеюсь, Владимир тоже все обдумал и взвесил, и поведет себя в этой ситуации, как человек благородный.

О л ь г а. Пойми, мама, мы не можем больше здесь оставаться! Нас обоих душит провинциальная жизнь. Нам нужны новые горизонты и новые впечатления.

М а р и я П е т р о в н а. Новые горизонты и новые впечатления? Когда-то и я так говорила. Впрочем, это не важно. Да, решено, завтра же вы должны отсюда уехать! Лети, моя голубка, лети, и дай тебе Бог удачи в твоём первом полете!

О л ь г а. Мне это нравится: как голубка в её первом полете!

Берет В л а д и м и р а за руку и вместе с ним выбегает на улицу.

Рихтер. Пожалуй, пойду и я. Еще раз зайду на почту, потом прогуляюсь по набережной, а вечером, как обычно, встречайте к ужину. (*Уходит.*)

Во двор через калитку входит Корецкий. Развязно подходит к столу, останавливается напротив Сперанского.

Корецкий (*развязно*). Прекрасная погода, не так ли, стоит для этого времени года? Я, впрочем, по совсем иному вопросу. Имею честь просить руку вашей жены!

Сперанский. Что вы несете? Вы пьяны!

Корецкий (*гордо поднимая голову*). Нет, я не пьян, и я не несу. Вы, быть может, не знаете, но мы с Марией Петровной давно уже любим один другого. Проще говоря, мы с ней любовники, но хотели бы стать чем-то большим.

Сперанский. Я не верю вам, вы лжете, Корецкий!

Корецкий. Вы не хотите смотреть правде в глаза. Вы обуяны грандиозными планами, а мы здесь, в провинции, извините, довольствуемся малым. Куда нам до ваших наполеоновских замыслов! Только бы ночь прожить, да день продержаться!

Сперанский. Не ерничайте!

Корецкий. Я говорю о том, что давно всем известно: вы не обращаете на жену никакого внимания; вы эгоист, и должны ее отпустить. Я человек маленький, но, уверяю вас,

со мной ей будет намного лучше.

Сперанский. Вы клоун!

Корецкий (*упрямо*). Пусть так, пусть я клоун, но, вместе с тем, я ее тайный любовник. Она предпочла клоуна вам, и хотела бы пойти еще дальше, порвав с вами всяческие отношения.

Сперанский. Маша, скажи, это правда? Правда ли то, что говорит это ничтожество?

Корецкий. Я не ничтожество, я человек! Не вашего, быть может, полета, и не вашей фантазии, но человек, который имеет в этом городе прочные корни. Вы здесь птица залетная, сегодня вы есть, а завтра, может быть, вообще исчезнете неизвестно куда, пойдете рыбам на корм, или курам на смех, смотря что первым случится. А Мария Петровна еще молода, ей еще жить и жить, так пусть хоть поживет по-человечески, а не как ваша прислуга!

Сперанский (*вскакивая, и тряся за плечи жену*). Маша, ответь мне, правда ли то, что говорит этот наглец? Правда ли то, что вы с ним любовники?

Мария Петровна (*снимая с себя его руки*). Послушай, Сперанский, не стоит так драматизировать ситуацию! Ну какая разница: любовники, или нет? Какое это имеет значение?

Сперанский. Опомнись, Маша, ты говоришь чудовищные слова! Мы с тобой муж и жена, у нас растет взрослая дочь, а ты заводишь шашни с каким-то местным чинов-

ником!

М а р и я П е т р о в н а(горько). Наша дочь уезжает от нас с чужим человеком, и тебе на это решительно наплевать. Тебя не интересует ничего, кроме твоего супер-романа: ни я, ни дочь, ни наше возможное, или невозможное счастье. Ты эгоист, Сперанский, и сам довел ситуацию до нынешнего состояния. Впрочем, если хочешь, давай найдем какой-то приемлемый компромисс. Пусть Корецкий поживет какое-то время с нами, пока мы не узнаем друг друга поближе, и примем окончательное и мудрое решение.

С п е р а н с к и й. Ты хочешь узаконить присутствие любовника в нашем доме?! Нет, я этого, пожалуй, не вынесу, это, Маша, удар из-за угла прямо в спину. Это предательство, которого я от тебя не ожидал. Ну что же, пусть все рушится, пусть все падает в бездну, теперь это уже не имеет никакого значения! (*Расхаживает по двору, то жестикулируя, то, наоборот, сжимая голову руками, потом опускается на скамейку рядом с С а ш е й.*)

М а р и я П е т р о в н а(сядась рядом и обнимая его). Ну полно, милый, полно, не надо слишком расстраиваться, ведь ничего страшного, в сущности, не случилось. Все целы – здоровы, солнышко светит ярко, ты самый талантливый и самый умный из всех, умней любого из здесь присутствующих. Мы просто никто рядом с тобой, ты выше на голову любого из нас, и у тебя все еще впереди.

С п е р а н с к и й(кладя голову ей на колени, жалобно).

Нет, Маша, это не так, у меня все позади. Мне уже сорок два, а я все еще, как мальчишка, строю грандиозные планы. Другие в моем возрасте уже все написали, а я только лишь собираюсь начинать свой гениальный роман. А гениальные романы, Маша, заранее никто не планирует, они рождаются сами собой, легко и играючи, и специально их создать невозможно. Обо мне никому неизвестно дальше этой прекрасной провинции. Я провинциальный писатель, Маша, и останусь таким до конца моих дней. Все мои наполеоновские планы затеряны там, в туманной молодости, о которой я уже почти и не помню. Я несчастлив, Маша, я глубоко и безнадежно несчастлив, а тут еще ты добавляешь каплю яда в мое и без того переполненное горечью сердце.

Мария Петровна (глядя его по голове). Все хорошо, милый, все хорошо, не надо слишком отчаиваться, все со временем образуется, и станет прекрасным! А Корецкий пусть немного поживет здесь на даче. Места теперь здесь достаточно, и никому от этого плохо не будет.

Сперанский затихает у нее на коленях, словно уснувший ребенок.

Саши все так же сидит молча и смотрит прямо перед собой.

Корецкий, до этого продолжавший стоять, неожиданно ухмыляется, садится за стол, и, налив себе полный бокал вина, залпом выпивает его.

На балкон второго этажа выходят Андروнопуло и Василиса Ивановна.

Василиса Ивановна (скептически разглядывая Сперанского, лежащего на коленях у Марии Петровны). Все мужчины, Мария Петровна, одинаковы, что писатели, что простые водопроводчики. Вот мой Андрунопуло, когда выпьет лишнего, тоже называет меня мамочкой, и просит, чтобы я его гладила по голове.

Андрунопуло изображает некое подобие улыбки.

Мария Петровна продолжает машинально гладить Сперанского.

Саша по-прежнему сидит неподвижно, глядя прямо перед собой.

Корецкий неожиданно хватает бутылку, выливает ее до конца, залпом осушает бокал, и начинает хохотать, запрокинув кверху голову. Хохот его похож на вой.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Днем.

Двор дачи.

Сперанский и Рихтер.

Сперанский. Эти краски августа, Рихтер, способны свести человека с ума.

Рихтер. Вы так думаете?

Сперанский. Я это знаю. И еще эта дымка, которой временами тянет на берег. От нее вообще нет спасения. Это хуже, чем сумасшествие.

Рихтер. Что может быть хуже, чем сумасшествие?

Сперанский. Смерть, Рихтер. Смерть хуже, чем сумасшествие.

Рихтер. Не переживайте. Глотните вина. Сегодня такое яркое солнце.

Сперанский. В августе, Рихтер, не помогает даже вино. Знаете, когда-то, в молодости, я спасался вином и любовью. Но теперь не помогает ни то, ни другое. Любовь ушла, а вино просто горчит.

Рихтер. Это все август, Сперанский, это август на вас так действует.

Сперанский. Да, это как лихорадка. Ее надо перетерпеть.

Рихтер. Глотните все же вина.

Сперанский. Мы пьем, Рихтер, с утра. Нам будет нечего делать вечером.

Рихтер. Вечером мы придумаем что-то иное.

Сперанский. Что-то иное здесь придумать уже невозможно. Здесь все изжито: любовь, слава, надежды. Здесь больше уже ничего не осталось.

Рихтер. Ну а роман? Вы здесь начнете новый роман. Тот, о котором так долго мечтали.

Сперанский. Там, где нет ничего, нельзя ничего и начать. Вы правы, Рихтер, давайте пить, и ждать, когда кончится август.

Пьют. Молчат.

Из дверей выходят Корецкий и Мария Петровна.

Мария Петровна (смущенно). К вам можно присоединиться?

Сперанский (с преувеличенной вежливостью). Конечно. Садись дорогая, здесь всем места хватит. (*Пододвигает стул Марии Петровны.*)

Корецкий (также садясь за стол). К вам сюда не так-то легко добраться. Эта дача находится так далеко, что действительно похожа на голубятню. Вокруг только небо и море.

Рихтер. А кипарисовая аллея? Вы обратили внимание на кипарисовую аллею, которая сюда ведет? Это словно лестница в небо.

Сперанский (*оживляясь*). Кипарис вообще дерево смерти. Его сажают на кладбищах. Эта аллея, особенно в августе, в полдень, когда стоит тишина и вокруг поют одни лишь цикады, напоминает дорогу на кладбище. До сих пор не могу понять, как я прожил здесь все эти годы.

Мария Петровна (*поясняя*). Мы первые годы здесь очень радовались тишине и возможности спокойно работать. Но эта аллея нас очень нервировала.

Сперанский. Она напоминала нам о бренности жизни. И о том, что надо спешить.

Рихтер. И дымка. Дымка, которой тянет с моря. Она тебе тоже мешала.

Корецкий (*также оживляясь*). О, вы не поверите, но с этой дымкой у нас тоже многое связано. На некоторых она действует так же, как полнолуние. Регулярно в городе от нее кто-то сходит с ума. Местная лечебница уже переполнена. Доктора специально советуют пить в эти дни, особенно некоторым впечатлительным людям. Есть, знаете, некоторый процент людей, особо восприимчивых к дымке.

Мария Петровна. Мы тоже столкнулись с этой проблемой. Я, например, к ней совершенно индифферентна. Зато Сперанский первые годы просто на стенку лез.

Сперанский. Лучше сказать – выл на луну. Меня

спасала только работа.

Рихтер. Всех в итоге спасает только работа.

Корецкий. Не скажите. У нас, например, город люмпенов, и многие просто неспособны работать. Роятся с утра на мусорных свалках, собирают бутылки, и вообще живут неизвестно на что. На таких, кстати, и дымка не действует.

Мария Петровна. У нас на Андропоуло она тоже не действует.

Сперанский. Да и Василиса Ивановна к ней равнодушна.

Смотрит на балкон, на который в этот момент выходят Андропоуло и Василиса Ивановна.

Василиса Ивановна, спускайтесь к нам!

Василиса Ивановна и Андропоуло спускаются вниз и садятся за стол.

Сперанский. Рихтер, прошу вас, разлейте вино.

Рихтер разливает вино.

Василиса Ивановна. За что пьем?

Сперанский. За солидарность, Василиса Ивановна. За надежное плечо друга, поддерживающее тебя в критиче-

ской ситуации. Здесь, в вышине, практически в вечности, куда ведет лишь одна кипарисовая аллея, где вокруг под ногами скалятся камни и шумит вечное пенное море, это особенно важно и ценно. Здесь, в вышине, где рукой подать до солнца и неба, где под ногами колышется бездна, стирается грань между женщиной и мужчиной. Здесь есть лишь любовники и друзья, да этот вечный запах античности, которым пропитался здесь, кажется, каждый камень. Так будем же любовниками и друзьями! Сдвинем бокалы и ближе подвинем стулья, чтобы слиться в этом вечном покое, в этом вечном экстазе, выше которого, поверьте, нет ничего!

Сдвигаются бокалы и стулья. Все пьют, очарованные тостом Сперанского.

Василиса Ивановна. Хорошо говорит.

Мария Петровна. Он еще и не так может!

Андропуло. Когда я работал на спасательной станции, мы однажды вытащили двух утопленников, мужчину и женщину. От них уже почти ничего не осталось, но они обнимали друг друга, словно живые.

Рихтер. Такова сила любви.

Василиса Ивановна. Андропуло тоже, когда любит, бывает очень силен. Иногда даже синяки остаются. *(Разглядывает свои руки.)*

Корецкий. А у нас, вы не поверите, в обществе «Зна-

ние» был один случай!

Мария Петровна (поясняя). Корецкий руководит городским обществом «Знание». Он вообще очень начитанный человек!

Сперанский (не может удержаться от колкости). Тебе вообще, Маша, нравятся люди начитанные!

Мария Петровна. Не надо язвить, Сперанский! Смирись, и пиши новый роман!

Корецкий (продолжая). Да, вы не поверите, но пришло письмо из Германии, от владельцев дачи «Голубка». Точнее, от их потомков. Ей, кстати, уже лет сто, а то и больше. Так вот, они утверждают, что под дачей зарыты большие сокровища. Что-то вроде сундука Монте-Кристо. Мы думаем провести здесь необходимые изыскания.

Андропуло. Если успеете. Я сегодня нарочно лазил с утеса. Все сваи прогнили, и дача висит неизвестно на чем.

Василиса Ивановна. На честном слове.

Рихтер. Скорее, на злости.

Мария Петровна (с вызовом). Нет, она висит на любви!

Сперанский. Нет, други, она висит на братстве людей, которые, сдвинув свои бокалы, пьют за вечность, ибо она выше любых сокровищ!

Все пьют. Шум, смех, разговоры. К о м п а н и я встает, подходит к обрыву, и, обнявшись, долго стоит возле него.

Через калитку входит С а и а, садится на скамейке у флигеля, и, как всегда, молча сидит, глядя в сторону моря.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Беседка слева от дачи.

Вечер. Ольга и Владимир одни.

Владимир. Завтра мы уезжаем.

Ольга. Я знаю.

Владимир. И никогда больше не вернемся сюда.

Ольга. Никогда не говори никогда.

Владимир. У меня такое предчувствие.

Ольга. Предчувствие, или ты знаешь наверняка?

Владимир. Я чувствую, что знаю наверняка. (*Смотрит в сторону дачи.*) Двор освещен и шум праздника. Значит, вся компания в сборе.

Ольга. Да, у них теперь прибавление.

Владимир. Ты хочешь присоединиться к ним?

Ольга. Не знаю. Скорее всего нет.

Слышится шум и всплеск воды.

Владимир. Что это?

Ольга. Наверное, начался шторм.

Молча смотрят друг другу в глаза.

Появляется Саша.

С а ш а. Наконец-то она упала. Никто не выжил, кроме меня. И вас. Теперь мы свободны, как птицы.

К о н е ц.

2002